

Деятельность Федора Степуна в немецкой эмиграции на примере его статей в журнале «Хохланд» (1924–1940 годы)*

Леонид Люкс

PhD, научный руководитель Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Профессор Центрального института центрально- и восточноевропейских исследований
Католического университета Айхштетт-Ингольштадт
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: leonid.luks@ku.de

Федор Степун был своего рода мостом между немецкой и русской культурой. Особую роль в этой связи играло сотрудничество Степуна с католическим журналом «Хохланд», в котором Степун опубликовал целый ряд статей, после того как он в 1922 году был изгнан из Советской России. Анализу этих статей, в которых Степун пытался объяснить немецким читателям, что же произошло с Россией после свержения царя и после крушения созданной в феврале 1917 года хрупкой русской демократии, посвящена первая часть этого очерка. Хотя Степун был готов признать значительную долю ответственности русских демократов за начавшуюся в октябре 1917 русскую трагедию, он категорически отвергал распространенный среди русских эмигрантов тезис о демократах как «единственных, кто виноват во всех ужасах современного состояния России». Следующей темой, которой были посвящены статьи Степуна, опубликованные в журнале «Хохланд» в 1920-е годы, был анализ большевистского режима, первого тоталитарного режима в новейшей истории. Вторая часть очерка анализирует статьи Степуна, которые появились в журнале «Хохланд» после прихода Гитлера к власти в январе 1933 года. Будучи одним из последних бастионов «полусвободного слова» в нацистской Германии, журнал «Хохланд» и после 1933 года предоставлял Степуну, который оставался убежденным демократом, возможность публиковать свои статьи. Хотя статьи эти, как правило, были посвящены русской тематике, они содержали между строк также и критику тогдашних немецких порядков.

Ключевые слова: Ф. А. Степун, В. И. Ленин, журнал «Хохланд», Русская революция 1917 года, демократия, большевики, национал-социализм

Федор Степун, рожденный в 1884 году в Москве в семье предпринимателя немецкого происхождения, был одним из важнейших за последние сто лет посредников между немецкой и русской культурами (Höntzsch, 1937: 189–200; Hufen, 2001, 2004: 269–288, 2014: 34–54; Кантор, 2000: 3–33, 2010: 125–138, 2012: 5–33, 2013: 5–14, 2017: 759–772). В 1910 году Степун завершил изучение философии в Гейдельберге,

© Люкс Л., 2018

© Центр фундаментальной социологии, 2018

DOI: 10.17323/1728-192X-2018-2-284-298

* Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5-100».

где защитил диссертацию у профессора Вильгельма Виндельбанда по творчеству русского философа Владимира Соловьева. Степун считал немецкую философию самой глубокой формой современного ему философского мышления и пытался, несмотря на широко распространенный в России в начале XX века скепсис в отношении Германии, всячески популяризировать немецкую философию на своей родине. В то же время Степун был русским патриотом. В Первой мировой войне он как офицер русской армии воевал против Германии и ее союзников. В 1915 году он был тяжело ранен на фронте в Галиции. После свержения царя во время Февральской революции 1917 года Степун полностью поддержал новую русскую демократию и служил ей на разных ответственных постах, в частности, в военном министерстве Временного правительства.

Степун никоим образом не разделял разочарования демократической системой, охватившего образованную часть русского общества через несколько месяцев после свержения царя. Он считал демократию общественным устройством, как на Западе, так и на Востоке, наилучшим образом гарантирующим человеческое достоинство и идеалы справедливости, истоки которых философ видел в христианстве. Этому убеждению он был верен всю свою жизнь. В сентябре 1922 года Степун вместе с известными русскими интеллектуалами (Николаем Бердяевым, Семеном Франком, Питиримом Сорокиным и другими) был выслан из своей родной страны. Советская власть, устанавливая диктатуру единомыслия в России, считала независимых мыслителей смутьянами (Макаров, Христофоров, 2005, 2010). Но и на Западе этим мыслителям редко уделяли должное внимание. Западную общественность прежде всего интересовали победители внутривосточной борьбы — большевики, а не проигравшие, которые должны были вдали от родины бороться не только за духовное, но и за материальное выживание. Однако на Западе были и люди, пытавшиеся плыть против течения: они были готовы слушать русских мыслителей-эмигрантов, к их кругу принадлежали издатели католического журнала «Хохланд», который в 1920–1930-е годы был своего рода форумом русских авторов в эмиграции. Особенно часто на его страницах выступал Федор Степун.

Рассмотрим его статьи в журнале «Хохланд» на тему Русской революции и европейского кризиса XX века.

Русская революция с точки зрения современника

Первая статья Степуна в журнале «Хохланд» появилась уже через полтора года после его высылки из России. Это были начальные очерки цикла «Мысли о России», которые параллельно публиковались в Париже в эмигрантском журнале «Современные записки» (до начала 1930-х годов Степун руководил литературной частью этого журнала).

Русский оригинал первой части этого цикла был опубликован в 1923 году, когда международные отношения в Европе и социально-экономическое положение Германии (Степун тогда жил в Берлине) чрезвычайно обострились вследствие Рур-

ского кризиса. Несмотря на это, тогдашний Запад, по сравнению с большевистской Россией и начавшимся в 1917–1918 годах «русским апокалипсисом» (определение Василия Розанова), олицетворял для Степуна «нормальность» как таковую: «Вся европейская жизнь, при всем ее расстройстве, по-прежнему определяется нормами разума. Последние пять лет русской жизни, однако, соединили в душе в неразрывное целое ощущение безумия и реальности. <...> Они превратили... безумие... в сущность... бытия» (Stepun, 1924: 244).

Как же это могло случиться? Как могла одна из самых больших империй на Земле столь быстро разрушиться? Русские демократы, по мнению Степуна, несут за это значительную долю ответственности. Как восторженно приветствовали они стремительное разрушение всех структур русского государства, которое они отождествляли с ненавидимой ими монархией! Как услужливо мирились они со вспышками ненависти простых солдат против всего офицерского корпуса (станового хребта вооруженных сил России)! Слишком наивными были их ожидания, что на следующее утро после краха старого режима в России наступят славные времена невиданной ранее социальной справедливости и свободы (Stepun, 1924: 414–418; Франк, 1924; Федотов, 1967).

Нельзя забывать о том, что эти горькие слова исходили из уст убежденного демократа, который не отрицал ответственности своей и своих единомышленников за начавшуюся в 1917 году катастрофу. Тем не менее Степун до конца всеми доступными средствами пытался защитить строй, установленный в России после Февральской революции. Но когда «первая» русская демократия в октябре 1917 года, через 8 месяцев своего существования, была уничтожена ее врагами-большевиками, Степун не был готов вслед за многими своими боевыми товарищами присоединиться к антибольшевистской Добровольческой армии:

Вооруженная борьба против них (большевиков) всегда казалась бессмысленной — и бесцельной, ибо дело все время не в них, но в той стихии русского безудержа. <...> Историческая задача России... в годы 1918–1921 заключалась не в борьбе с большевиками, но в борьбе с большевизмом: с разнузданностью нашего безудержа. Эту борьбу нельзя было вести никакими пулеметами, ее можно было вести только внутренними силами духовной сосредоточенности и нравственной выдержки. (Stepun, 1924: 249)

Так же думали и некоторые другие русские мыслители-эмигранты, в частности Семен Франк (Франк, 1956: 126).

Степун рассматривал большевизм как неотвратимое зло, что вызывало возмущение многих его товарищей по изгнанию, для которых каждый компромисс с советским режимом был предательством антибольшевистских идеалов. При этом критики Степуна не замечали, что принятие Степуном новой российской реальности — лишь внешнее. Признание большевизма из внутреннего убеждения было для него невозможно. Степун считал, что в настоящее время с политической точки зрения стоило бы принять, хотя бы временно, большевистское государство, так

как политика — это «искусство возможного». Однако с этической токи зрения это принятие реальности совершенно неприемлемо, потому что в области нравственности нужно стремиться к невозможному (Stepun, 1924: 525).

Степун четко отделял себя от возникшего в начале 1920-х годов в русской эмиграции движения «Смена вех» и остро критиковал его в своих статьях, так как эти бывшие радикальные противники большевизма теперь были готовы признать большевиков как победителей в Гражданской войне не только внешне, но и «внутренне», из «благодарности» за восстановление территории большей части Российской империи. Тем самым, как полагали ведущие идеологи сменовеховства, победили, по крайней мере, окольными путями, «белые идеи». Большевики начали свой политический путь как воинствующие противники Российской империи, сторонники ее тотальной дезинтеграции. В итоге же они стали ее восстановителями и спасителями. Сменовеховцы считали, что хотя большевистское государство внешне «красное» — интернационалистское и революционное, внутри оно «белое» — патриотическое и национальное. Николай Устрялов, видный представитель сменовеховского движения, писал в феврале 1920 года:

Как это, быть может, ни парадоксально, но объединение России идет под знаком большевизма... Первое и главное — собрание, восстановление России как великого и единого государства. Все остальное приложится. И если приходится с грустью констатировать крушение политических путей, по которым мы до сих пор шли, то великое утешение наше в том, что заветная наша цель — объединение, возрождение родины, ее мощь в области международной — все-таки осуществляется и фатально осуществится. (Устрялов, 1927: 5–6)

Аргументы такого рода Степун не принимал, хотя и сожалел по поводу частичного распада Российской империи после 1917 года. Его «фантомные боли», вызванные распадом империи, особенно обострились в Риге — столице ставшей независимой Латвии, где он коротко остановился осенью 1922 года на пути из России в Германию (Stepun, 1924: 413–414). Несмотря на это, он никоим образом не был готов «внутренне» признать советский режим вследствие его «имперских достижений». Тот факт, что большевики были жестокими разрушителями свободного общества, возникшего в России после свержения царизма, значил для него слишком много. Но Степун не принимал большевиков не только потому, что они разрушили русскую демократию, но и потому, что в его глазах они являлись олицетворением «предельного упрощения». В этой связи Степун цитирует основоположника русской социал-демократии Георгия Плеханова, который в 1917 году сказал, что Ленин «может оказаться для нашего дела очень опасным, так как его главный талант — невероятный дар упрощения» (Stepun, 1924: 538). Это определение Плеханова скорее всего вытекает из определения знаменитого швейцарского историка Якова Буркхардта.

Степуну было ясно, что большевистской системе, как и любому тоталитарному режиму, никоим образом недостаточно лишь внешней лояльности подданных. Цель большевиков — полная идентификация всех слоев подвластного им населения с идеологическими постулатами режима, т. е. внутреннее принятие существующего состояния. Высылка в 1922 году ведущих российских мыслителей подчеркивала тот факт, что большевистские правители считали идеологическое перевоспитание этих своевольных личностей не имеющим шансов на успех (Stepun, 1924: 527).

Следующие статьи Степуна, опубликованные в журнале «Хохланд» под заглавием «Проблема демократии в России» (Stepun, 1924/1925) и «Миссия демократии в России» (Stepun, 1925/1926) между 1924 и 1926 годами, были посвящены демонизации демократических идей, столь распространенной среди образованного класса как в России, так и в эмиграции после 1917 года. Степун не считал молодую и непрочную русскую демократию, которая была не в состоянии защититься от натиска ее врагов-большевиков, важнейшей, чуть ли не единственной причиной русской катастрофы октября 1917 года.

При этом Степун подчеркивал, что среди наиболее радикальных критиков демократического эксперимента в стране были те, кто в свое время полностью одобрял новый строй, установленный в феврале 1917 года, кто никоим образом не был готов поддержать прогнившее здание российской монархии: «В те дни все, от социалистов до черносотенцев, были революционерами и демократами» (Stepun, 1925/1926: 417).

Теперь же многие из них отвернулись от прежних идеалов, устыдились своей прежней якобы наивности:

Багровый гнев, которым пылают их щеки, когда они говорят о «благословенном феврале», чаще всего не что иное, как краска стыда воспоминаний о своем непростительном революционном восторге, сентиментальные, глупые надежды на то, что все помирятся и будут счастливы. <...> Они ожидали, что революция сделает людей свободными, и поэтому не могут осознать, когда она как дикий зверь набрасывается на своих освободителей. (Stepun, 1924/1925: 390, 393)

Описанная Степуном «переоценка ценностей» в лагере бывших российских демократов и либералов на самом деле представляла собой широко распространенное явление. Показательна в этом плане позиция влиятельного русского публициста и политика Петра Струве. В опубликованной в 1922 году в эмиграции статье Струве не нашел никаких качественных различий между демократической фазой Русской революции (февраль — октябрь 1917 года) и ее тоталитарной фазой, начавшейся после большевистского переворота: «Духовно, морально-культурно и политически революция 1917 и последующих годов есть объективно и существенно единый процесс... Реально, вся революция как народное движение рож-

далась и родилась из духа большевизма. Большевизм выражает русскую революцию» (Струве, 1999: 320–323).

Отождествление демократического и тоталитарного этапов русского переворота 1917 года размывало все различия между ними. Февральская революция стала кульминацией, начавшейся в 1825 году с движения декабристов, борьбы русского общества против гнета государства. Она завершила шедший с 1905 года процесс превращения России в плюралистическое, основанное на разделении властей и признании основных прав человека общество. Она уничтожила все сословные привилегии, гарантировала полную свободу религии и свободу слова, отменила неравноправие полов и ввела раньше, чем многие западные страны, избирательное право для женщин. Тот факт, что это торжество свободы было насильственно прервано в октябре 1917 года, был следствием многих ошибок и неиспользованных возможностей неопытной российской демократии, а также проявлением коварства ее врагов-большевиков и близорукости военного командования Германии, которое, поддерживая своих «классовых врагов» большевиков, стремилось положить конец войне на два фронта. Однако этот конец «первой» русской демократии не был предопределен заранее. Были и иные возможности разрешения существовавшего кризиса. Но это уже другой вопрос. Гораздо важнее в этой связи отметить, что большевистский этап Русской революции, в отличие от утверждений Струве, основывался на качественно противоположных принципах, чем Февральская революция. Самый свободный общественный строй в российской истории, просуществовавший столь недолго, был вытеснен самым несвободным.

Но вернемся к данному Степуном анализу поражения «первой» русской демократии. Как было сказано, Степун был готов признать значительную долю ответственности российских демократов за начавшуюся в октябре 1917 года русскую трагедию:

Те русские демократы, которые... не несут свой позор и свою вину в сердце, естественно, не имеют никакого морального права защищать правое дело демократии в России... Необходимо признать, что всему достигнутому и созданному революционной демократией при Временном правительстве почему-то не хватало подлинности и вескости, осознания ответственности, чувства значительности и важности происходящего.

Однако Степун категорически отвергал распространенный тезис о демократах как «единственных, кто виноват во всех ужасах современного состояния России». Тех, кто так рассуждал, он спрашивал, «а где они были, когда демократия совершала свои исторические ошибки?» (Stepun, 1925/1926: 424).

Несмотря на свою готовность тщательно исследовать поведение русских демократов, Степун в очерке «Миссия демократии в России» высказал несколько сомнительный тезис, касающийся поведения символической фигуры «первой» русской демократии Александра Керенского во время «контрреволюционного» мятежа Верховного главнокомандующего русской армии генерала Корнилова

в августе 1917 года. Керенский тогда призвал большевиков создать единый фронт против «контрреволюционной опасности». Степун считал это обращение к большевикам «неизбежным» (Там же: 422).

На самом же деле речь шла о капитальной ошибке русских демократов. Большевики после провалившейся попытки путча 3–5 июля 1917 года находились в плачевном состоянии. Правительство распустило их вооруженные формирования и частично запретило их прессу. Скрываясь от суда по обвинению в государственной измене (сотрудничестве с Германией), Ленин бежал из Петрограда и жил в укрытии на финской территории. Однако почти все ограничения правительства по отношению к большевикам были отменены во время Корниловского мятежа.

Действительно ли борьба против Корнилова требовала мобилизации всех левых сил России, включая таких воинственных антидемократов, как большевики? Провал путча показал, что армия больше не подходит для борьбы против собственного народа. Так что русская демократия никоим образом не нуждалась в помощи левых экстремистов, чтобы успешно противостоять опасности справа. Тем не менее страх демократов перед контрреволюцией был настолько велик, что они существенно недооценили свои силы. Не в последнюю очередь поэтому они вновь дали оружие в руки большевиков, разоруженных в июле 1917 года. Это было явно самым катастрофическим последствием мятежа Корнилова.

В последней части своего очерка «Миссия демократии в России» Степун рассматривает широко распространенные как на Востоке, так и на Западе стереотипные представления о недостатках демократического общественного порядка как такового. Вот некоторые из его аргументов:

Все утверждения, что демократия по своей сути чужда народу и безбожна, являются совершенно необоснованными. Сущность демократических взглядов основана на утверждении человеческой личности... Утверждение человеческой личности вне Бога и нации невозможно. ...[Ложно] утверждение, что пафос демократии основан на защите количества и отрицании качества. Демократия, наделяя избирательным правом каждого отдельного гражданина, не отнимает и не убивает в нем ни одного из его личных качеств. Вопрос использования собственного голоса и в демократии остается вопросом качеств человека. (Там же: 429–430)

Вывод Степуна гласит: «Я хорошо знаю, что сейчас совершенно безнадежно, тем более эмигранту, защищать идею демократии как национальную религиозную идею России. Но может быть, лишь то и стоит защищать, что большинство считает делом безнадежным» (Там же: 433).

Наряду с приверженностью демократии Степун в своих статьях «Проблема демократии в России» и «Миссия демократии в России» пишет о повседневной жизни большевистской России, выступая в качестве своего рода предшественника (*avant la lettre* — *франц.*) писателя Джорджа Оруэлла. Согласно Степуну, сущностной чертой большевистского режима было переосмысление многих слов и поня-

тий, которые в дототалитарной или нетоталитарной реальности имели противоположный смысл. Два с половиной десятилетия спустя Джордж Оруэлл назвал этот феномен «новоязом» (*newspeak* — *англ.*). Степун пишет:

С первых дней (большевистского) господства все начинает разваливаться. Жизнь приобретает странный, призрачный характер. Требование мира проникает в армию в качестве предвестника гражданской войны. За братанием с врагом скрывается подстрекательство к убийству собственных офицеров. Страстная борьба против смертной казни сочетается с полной внутренней готовностью к ее применению... Учредительное собрание созывают, чтобы разогнать его... Без сомнения, что этот «стиль» власть имущих при полном отсутствии свободы слова и систематическом подавлении любого «общественного мнения» глубоко отразился на духовной структуре русской жизни и русском обществе. Из всех зол, причиненных России большевизмом, самым серьезным, без сомнения, является ее моральное разложение. (Там же: 563–564)

Следующая часть цикла «Мысли о России» появилась в журнале «Хохланд» в 1926–1927 годах под названием «Метафизический смысл революции и советская литература» (Stepun, 1927). В начале очерка Степун рассматривает «совершенно непреносимый» для него феномен, а именно немецкий «салонный коммунизм»:

Без малейшего чувства боли за *свою* Европу, они бесчестят ее... поносят мещанскую узость европейской жизни и превозносят [думая, что тем самым льстят нашему русскому национальному чувству] поэзию большевистской России с ее пророческим хаосом [в стиле Достоевского] и ее кровавой живописностью [в стиле, не уступающем Шекспиру]... С наивной, снисходительной улыбкой людей, которые ничего на себе не испытали, они говорят, что революции не делаются в белых перчатках, что дух и кровь всегда связаны друг с другом. (Stepun, 1927: 35)

Когда Степун пытался поставить под вопрос это любование русской катастрофой, ему довелось услышать от одного из своих собеседников, что «все (русские) эмигранты за деревьями не видят леса, что европейцы, задыхающиеся от затхло-сти Западной Европы, могут понять всемирное значение большевистской России лучше, чем сами русские» (Stepun, 1927: 35).

Разумеется, Степун не отрицал эпохального значения Русской революции; вопреки всему сказанному, он даже отмечал ее позитивные аспекты, которые, однако, в корне отличались от представлений «салонных коммунистов», причем не только в Германии. С точки зрения Степуна, к числу важнейших последствий «русского апокалипсиса» принадлежал тот факт, что в нем открывался глубокий смысл некоторых явлений:

Общая неопределенность будущего в те дни придавала всему стилю и духу времени суровую серьезность. В свете этой серьезности все привычные

давно лишенные смысла вещи вновь обретали свой вечный смысл. Ломоть черного хлеба, который вся Россия берегла как просфору, чтобы ни одной крошки не пропало, вновь для всех означал жизнь, кровом стала квартира... очагом — печь, спасавшая от голода и холода... Мы ясно знали, кто... герой, а кто — трус... Все поднялось, приобрело истинное лицо и истинный смысл. Невероятно быстро в жизни исчезли фиктивные перегородки. (Stepun, 1927: 41–42)

Сотрудничество Степуна с журналом «Хохланд» было на много лет прервано после публикации его статьи «Метафизический смысл революции». Так, биограф Степуна Христиан Хуфен отмечает, что написанный в 1930 году на немецком языке трактат Степуна «Советофилия», который изначально предназначался для журнала «Хохланд», так и не был напечатан в этом журнале (Hufen, 2001: 315–316). Лишь после «захвата власти» в Германии нацистами Степун вновь стал регулярно публиковать свои тексты в журнале «Хохланд». До этого его публицистическая деятельность была прежде всего сосредоточена в основанном им в 1931 году вместе с историком Георгием Федотовым и публицистом Ильей Бунаковым-Фондаминским эмигрантском журнале «Новый Град».

Разногласия Степуна с Третьим рейхом и нацистской идеологией

После 30 января 1933 года, когда Германия, вторая родина Степуна, также попала в ловушку тоталитаризма, Степуна, убежденного демократа, публиковали немногие немецкоязычные издания. Лишь там он имел возможность публично выражать, хотя и между строк, свои политические взгляды. Среди этих исключений был и журнал «Хохланд» — один из последних бастионов «полусвободного слова» в Третьем рейхе. Сотрудничество между журналом и русским философом-эмигрантом, прерванное в конце 1920-х годов, было возобновлено. О характере журнала и о его роли в нацистском государстве Степун писал 31 июля 1934 года в письме одному из редакторов журнала Фридриху Фуксу: «Вообще я должен сказать, что „Хохланд“ сегодня это самый яркий, интересный и значительный журнал. Надеюсь, и в дальнейшем вы удержитесь на том же уровне» (Hufen, 2001: 447).

Статьи, которые Степун с 1933 года публиковал в журнале «Хохланд», были посвящены исключительно русской тематике, однако нередко они содержали намеки на тогдашние порядки в Германии. Это было видно, например, в статье, посвященной русскому философу-культурологу и поэту Вячеславу Иванову, опубликованной в 1933 году. Иванов, который, как и Степун, после большевистского переворота вынужден был покинуть родину, принадлежал к ведущим представителям русского религиозно-философского ренессанса начала XX века, в значительной мере определявшим тогдашний интеллектуальный климат страны. Анализируя мировоззрение Иванова, Степун не только указывает на то, как сильно его взгляды находились под влиянием Фридриха Ницше, но и подчеркивает существенные отличия, существующие между обоими мыслителями. Иванов создал символиче-

ское видение художника, который «не занимается воспитанием... мира и не приходит, чтобы переоценить все ценности... мира и навязать ему свою собственную жесткую „волю к власти“» (Stepun, 1933/1934: 354). Степун определяет позицию Иванова как «религиозный символизм», а точку зрения Ницше — как «идеалистический символизм». Религиозному символизму свойственна «устремленность к объективной истине, идеалистическому — к субъективной свободе, религиозному — самопреодоление, идеалистическому — самоутверждение». Не подлежит сомнению, что Степун, критикуя ницшеанскую «Волю к власти» и пропагандируемое ницшеанством сокрушение старых ценностей, имел в виду критику тогдашних немецких порядков. Его намерения становятся еще яснее в пассажах, в которых он анализирует представление Иванова о народе.

Иванов трактует понятие народа не как политическое, а исключительно как религиозное. Народ возникает и созревает не в борьбе за свое место под солнцем, но в борьбе за исполнение долга перед Богом. *Индивидуальность* народа... есть единственность и неповторимость его духовной и физической ситуации при выполнении этого долга. Национализм, напротив, это национальный эгоизм и, следовательно, предательство гармонии каждой нации; в перспективе — ее смертельная болезнь. (Там же: 358)

Даже написанный им некролог поэту и писателю Андрею Белому, который был одним из ведущих русских символистов, Степун использует для косвенного сведения счетов с нацистским режимом и его идеологией. В данном случае он имел в виду пропагандируемое нацистскими идеологами вытеснение человеческой индивидуальности коллективом:

Тема своего всезавершающего творения... намечалась Белым... как катастрофа культуры, катастрофа сознания, смерть личности, прорастание личности коллективным «Я»... Катастрофа индивидуалистической культуры, гибель гуманистической личности, гибель «самости» и рождение нового коллектива — все это пережито, теоретически осознано и художественно воссоздано Белым с единственной глубиной и силой. (Stepun, 1937: 214)

Вопреки своему неприятию нацистской системы и лежащей в ее основе идеологии, Степун пытался внешне договориться с ней — аналогично «внешней лояльности» к Советской России, сочетавшейся с «внутренним» отклонением любых компромиссов в отношении новых власть имущих. 11 ноября 1934 года Степун, с 1926 года преподававший социологию в Дрезденской высшей технической школе, как и многие другие преподаватели немецких вузов, принял присягу Гитлеру. Виктор Клемперер, который с 1935 года из-за своего еврейского происхождения был лишен права преподавания в Дрезденской высшей технической школе, так описывал эту церемонию:

[Она] была холодна, в высшей степени формальна и длилась не более двух минут. Повторяли хором за ректором, который пробубнил: «Вы клянетесь в вечной верности, я обязан обратить ваше внимание на святость клятвы... Завершаю трехкратным „Зиг Хайль“». Ректор прокричал «Зиг» — хор проорывал «Хайль»... Среди присягнувших были Янентцки, Кюн, Степун. ...[Они] такие же национал-социалисты, как и я. (Klemperer, 1995: 163)

Новая попытка Степуна прийти к соглашению с тоталитарным режимом, так же как и первая такая попытка, полностью провалилась. Условная лояльность Степуна не устраивала ни большевистский, ни нацистский режим. Тоталитарные режимы требуют от своих подданных безусловного подчинения, неограниченной идентификации с господствующими идеологическими догмами. Те, кто не готов пойти на это, подвергаются разного рода репрессиям. В случае Степуна эти репрессии, учитывая возможности тоталитарных государств, были относительно мягкими. Большевики не бросили его в тюрьму, а выслали из страны. В Третьем рейхе он, как и другие критики режима, вполне мог бы оказаться в концлагере. Но этого не случилось. Ректор Дрезденской высшей технической школы Вильгельм Йост и гауляйтер Саксонии Мартин Мутшман в июне 1937 года просто отдали распоряжение об отстранении Степуна от службы в вузе. Увольнение Степуна объяснялось тем, что профессор якобы распространял неверные представления о большевизме: «Степун видит в большевизме не проявление чужеродного разрушительного господства, навязанного русскому народу еврейством, а ложное направление поиска русской религиозности, явление отчасти и национально-русское». Наряду с этим распоряжение об увольнении содержало следующий пассаж:

Степун... не предпринимал никаких серьезных усилий, чтобы изменить в положительную сторону отношение к национал-социализму. Степун в своих лекциях отвергает взгляды национал-социализма, в особенности в отношении тоталитарных притязаний нацистской идеи и важности расового вопроса, а также в отношении еврейского вопроса. (Hufen, 2001: 494–495; Кантор, 2000: 32; Кантор, 2017: 764)

Вопреки запрету на профессию, Степун продолжал писать о национал-социализме; он делал это прежде всего в русской эмигрантской прессе. В 1938 году в журнале «Новый Град» была опубликована его статья «О свободе», в которой автор писал:

Неприемлемость фашизма заключается... в его ненависти к свободе как к духовной первоприроде человека, в его абсолютном равнодушии к качественной единственности всякой человеческой личности, в его стремлении превратить людей в кирпичи, в строительный материал государственно-партийного зодчества. Самая страшная ложь фашизма — это идея конформизма, идея стандартизированного индивида, исповедующего государством предписанное мирозерцание и творящего государством задуманную культуру. (Степун, 2000: 548)

Этот категорический отказ от национал-социализма Степун подписал своим именем.

Несмотря на запрет на профессию, Степуну удалось опубликовать в журнале «Хохланд» некоторые свои статьи, содержавшие критические высказывания в адрес режима. В номере, датированном октябрём 1938 — мартом 1939 года, в статье «Церковь самоубийц» Степун рассматривает роман Ф. М. Достоевского «Бесы», практически предвосхитивший события Русской революции 1917 года или тоталитарные перевороты XX века (Stepun, 1938/1939: 472–488). Многие герои романа высказывают разного рода утопические проекты спасения России и всего человечества. Некоторые из них Степун анализирует. Прежде всего он рассматривает характерное для некоторых героев романа самодовольство и презрение к так называемому «среднему человеку», который слишком ленив, чтобы пользоваться своей свободой, и слишком труслив, чтобы защитить ее: «Масса не может быть и потому никогда не бывает субъектом революции, но всегда лишь — объектом воздействия профессиональных революционеров. Покорности масс лучше всего достичь, не просвещая ее учением и наукой, но в то же время возбуждая ее агитацией» (Stepun, 1938: 473). Степун указывает на то, что Достоевский с показной претензией своих героев на роль «сверхчеловеков», в сущности, предвидел появление «сверхчеловека» Ницше (роман «Бесы» вышел в свет в 1871–1872 годах). «Сверхчеловек» Ницше также пытался преодолеть человеческое начало в человеке и представлял себя богоподобным существом. Степун напоминает ставшее знаменитым пророчество Достоевского, который устами одного из своих героев (Шигалева) утверждает, что социализм начинается с провозглашения полной свободы, а приводит к неограниченному деспотизму.

Но герои Достоевского были подвержены не только социалистическому, но и националистическому искушению. Один из героев романа (Шатов) формулирует свое вероучение: «Я верую в Россию, я верую в ее православие... Я верую, что новое пришествие Христа совершится в России». Степун так комментирует мировоззрение Шатова: Шатов верует в православие и в Тело Христово, хотя еще не верует в Бога, а лишь надеется, что со временем поверит в Него. Но что значит вера в народ-богоносец без веры в Бога, спрашивает Степун? Не ясно ли, что религия Шатова еще не христианство, а лишь религиозно окрашенный атеизм. В испуге Шатов утверждает, что всякий народ до тех пор только и народ, «пока верует, что „своим Богом“ победит и изгонит из мира остальных богов». Лишь эта вера позволяет, по Шатову, каждому истинному народу перерасти самого себя, достичь своей исключительности: Истинный народ «никогда не может примириться со второстепенною ролью в человечестве, или даже с первостепенною, а непременно с исключительной» (Stepun, 1938/1939: 487).

Без сомнения, Степун, показывая «бесовски-тоталитарные» искушения героев Достоевского, имел в виду не только Россию, но и Германию. Это было ясно читателям Степуна, которые, конечно же, владели искусством чтения между строк.

Последняя статья, опубликованная Степуном в журнале «Хохланд» во время нацизма, вышла в свет сразу же после начала Второй мировой войны, в номере за 1939/1940 год. В ней Степун вспоминал свое детство. Текст представлял собой объяснение в любви России и ее культуре. В то же время автор решительно осуждал «немецкие добродетели», воплощением которых был его дед («где воля, там и путь»), и презрение деда к России. Степун подчеркивал, что без памяти о России и православных праздниках, пережитых им на родине, «он был бы сегодня не в силах с верой в сердце смотреть в будущее» (Stepun, 1939/1940: 454). Факт, что Степун смог опубликовать свое «объяснение в любви» России в журнале, издававшемся в нацистской Германии, был, очевидно, связан с тем, что в то время нацистское руководство в связи с пактом Гитлера—Сталина от августа 1939 года временно прекратило свои пропагандистские нападки на Россию и большевизм. Не в последнюю очередь поэтому Степун в своей статье смог даже упомянуть, что во время Первой мировой войны он как русский офицер сражался против Германии (Там же).

Литература

- Кантор В. К. (2000). Ф. А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // *Степун Ф. А. Сочинения*. М.: РОССПЭН. С. 3–33.
- Кантор В. К. (2012). Федор Степун: хранитель высших смыслов, или Сквозь все катастрофы XX века // *Кантор В. К. (ред.). Федор Августович Степун*. М.: РОССПЭН. С. 5–33.
- Кантор В. К. (2013). Вступление // *Степун Ф. А. Письма*. М.: РОССПЭН. С. 5–14.
- Кантор В. К. (2017). Преодолевая безумие эпохи. Послесловие // *Степун Ф. А. Большевизм и христианская экзистенция*. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив. С. 759–772.
- Макаров В. Г., Христофоров В. С. (сост.). (2005). Высылка вместо расстрела: депортация интеллигенции в документах ВЧК—ГПУ 1921–1923. М.: Русский путь.
- Макаров В. Г., Христофоров В. С. (сост.). (2010). Остракизм по-большевистски: преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь.
- Степун Ф. А. (2000). Сочинения. М.: РОССПЭН.
- Струве П. Б. (1999). Избранные сочинения. М.: РОССПЭН.
- Устрялов Н. В. (1927). Под знаком революции. Харбин: Полиграф.
- Федотов Г. П. (1967). Лицо России (1918–1931). Париж: ИМКА-Пресс.
- Франк С. Л. (1924). Крушение кумиров. Париж: ИМКА-Пресс.
- Франк С. Л. (1956). Биография П. Б. Струве. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова.
- Хуфен К. В. (2015). Степун в Мюнхене. Выступление в Москве 14 мая // *Вопросы философии*. № 10. С. 87–93.
- Höntzsch F. (1937). Fedor Stepun — ein Mittler zwischen Rußland und Europa // *Hochland*. Jg. 34. Heft 2. S. 189–200.

- Hufen Ch.* (2001). Fedor Stepun: Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884–1945. Berlin: Lukas.
- Hufen Ch.* (2004). Ein Russe als Beruf // *Stepun F.* Demokratie als Projekt: Schriften im Exil 1924–1936. Berlin: BasisDruck. S. 269–288.
- Kantor V.* (2010). Fedor Stepun über Deutschland // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. Jg. 14. Heft 1. S. 125–138.
- Klemperer V.* (1995). Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin: Aufbau.
- Stepun F.* (1924). Das bolschewistische Rußland: Gedanken und Bilder // Hochland. Jg. 21. Heft 2. S. 243–262, 412–425, 522–539.
- Stepun F.* (1924/1925). Das Problem der Demokratie in Rußland // Hochland. Jg. 22. Heft 1. S. 389–403, 557–571.
- Stepun F.* (1925/1926). Die Mission der Demokratie in Rußland // Hochland. Jg. 23. Heft 1. S. 412–434.
- Stepun F.* (1927). Der metaphysische Sinn der Revolution und die Sowjetliteratur // Hochland. Jg. 24. Heft 2. S. 34–45, 187–198.
- Stepun F.* (1933/1934). Wjatscheslaw Iwanow: Eine Porträtstudie // Hochland. Jg. 31. Heft 1. S. 351–361.
- Stepun F.* (1937). Dem Andenken Andrej Belyjs // Hochland. Jg. 34. Heft 2. S. 200–215.
- Stepun F.* (1938/1939). Die Kirche der Selbstmörder // Hochland. Jg. 36. Heft 1. S. 472–488.
- Stepun F.* (1939/1940). Aus meiner Kindheit: Erinnerungen // Hochland. Jg. 37. S. 446–454.

Fedor Stepun's Work in the German Emigration, as Exemplified by His Articles in the "Hochland" Magazine

Leonid Luks

PhD, Academic Supervisor of the International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, National Research University Higher School of Economics
 Professor, Zentralinstitut für Mittel- und Osteuropastudien, Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt
 Address: Myasnitskaya str., 20, Moscow, Russian Federation 101000
 E-mail: leonid.luks@ku.de

Fedor Stepun was a kind of a bridge between the German and Russian cultures. Stepun's cooperation with the Catholic magazine "Hochland", in which he published a number of articles after his expulsion from Soviet Russia in 1922, played a special role in this regard. The first section of the essay includes the analysis of the articles in which Stepun tried to explain what had happened to Russia after the overthrow of the czar and after the collapse of the fragile Russian democracy that had been created in February, 1917, to German readers. Although Stepun was ready to recognize a significant share of the Russian tragedy that began in October 1917 was the responsibility of the Russian democrats, he strongly rejected the widespread thesis among Russian emigrants that the democrats were "the only ones to blame for all the horrors of the current state

of Russia". The next topic of Stepun's articles published in the magazine "Hochland" in the 1920s was the analysis of the Bolshevik regime, the first totalitarian regime in modern history. The second part of this essay analyzes Stepun's articles which appeared in the magazine "Hochland" after Hitler came to power in January, 1933. As one of the last bastions of "half-free speech" in Nazi Germany, the magazine "Hochland", granted Stepun, who remained a convinced democrat, the opportunity to publish his articles even after 1933. Although these articles were devoted to Russian subjects as a rule, they also contained criticism of the German order of that time between the lines.

Keywords: F. A. Stepun, V. I. Lenin, Hochland, the Russian Revolution of 1917, democracy, Bolshevism, National Socialism

References

- Fedotov G. (1967) *Lico Rossii (1918–1931)* [The Face of Russia (1918–1931)], Paris: IMKA-Press.
- Frank S. (1924) *Krushenie kumirov* [The Collapse of Idols], Paris: IMKA-Press.
- Frank S. (1956) *Biografija P. B. Struve* [P. Struve's Biography], New York: Izdatelstvo imeni Chekhova.
- Höntzsch F. (1937) Fedor Stepun — ein Mittler zwischen Rußland und Europa. *Hochland*, vol. 34, no 2, pp. 189–200.
- Hufen Ch. (2001) *Fedor Stepun: Ein politischer Intellektueller aus Russland in Europa. Die Jahre 1884–1945*, Berlin: Lukas.
- Hufen Ch. (2004) Ein Russe als Beruf. Stepun F., *Demokratie als Projekt: Schriften im Exil 1924–1936*, Berlin: BasisDruck, pp. 269–288.
- Hufen K. (2015) Stepun v Mjunhene. Vystuplenie v Moskve 14 maja [Stepun in Munich. The Moscow Speech in May 14]. *Voprosy filosofii*, no 10, pp. 87–93.
- Kantor V. (2010) Fedor Stepun über Deutschland. *Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte*, vol. 14, no 1, pp. 125–138.
- Kantor V. (2000) F. A. Stepun: russkij filosof v epohu bezumija razuma [F. Stepun: The Russian Philosopher in the Age of Madness]. Stepun F., *Sochinenija* [Works], Moscow: ROSSPEN, pp. 3–33.
- Kantor V. (2012) Fedor Stepun: hranitel' vysshih smyslov ili skvoz' katastrofu XX veka [Fedor Stepun: The Guardian of High Meanings; or, Through the Catastrophe of the 20th Century]. *Fedor Avgustovich Stepun* [Fedor Stepun] (ed. V. Kantor), Moscow: ROSSPEN, pp. 5–33.
- Kantor V. (2013) Vstuplenie [Preface]. Stepun F., *Pis'ma* [Letters], Moscow: ROSSPEN, pp. 5–14.
- Kantor V. (2017) Preodolevaja bezumie epohi. Posleslovie [Overcoming the Madness of the Age. Afterword]. Stepun F., *Bol'shevizm i hristianskaja jekzistencija* [Bolshevism and Christian Existence], Moscow, Saint Petersburg: Centre of Humanitarian Initiatives, pp. 759–772.
- Klemperer V. (1995) *Ich will Zeugnis ablegen bis zum Letzten: Tagebücher 1933–1941*, Berlin: Aufbau.
- Makarov V., Khristoforov V. (eds.) (2005) *Vysylka vmesto rasstrela: deportacija intelligencii v dokumentah VChK-GPU 1921–1923* [Expulsion Instead of Execution: The Deportation of the Intelligentsia according to Cheka-GPU Documents, 1921–1923], Moscow: Russky put'.
- Makarov V., Khristoforov V. (eds.) (2010) *Ostrakizm po-bol'shevistski: presledovanija politicheskikh opponenotov v 1921–1924 gg.* [Bolshevik Ostracism: Persecution of Political Opponents in 1921–1924], Moscow: Russky put'.
- Stepun F. (1924) Das bolschewistische Rußland: Gedanken und Bilder. *Hochland*, vol. 21, no 2, pp. 243–262, 412–425, 522–539.
- Stepun F. (1924/1925) Das Problem der Demokratie in Russland. *Hochland*, vol. 22, no 1, pp. 389–403, 557–571.
- Stepun F. (1925/1926) Die Mission der Demokratie in Russland. *Hochland*, vol. 23, no 1, pp. 412–434.
- Stepun F. (1927) Der metaphysische Sinn der Revolution und die Sowjetliteratur. *Hochland*, vol. 24, no 2, pp. 34–45, 187–198.
- Stepun F. (1933/1934) Wjatscheslaw Iwanow: Eine Porträtstudie. *Hochland*, vol. 31, no 1, pp. 351–361.
- Stepun F. (1937) Dem Andenken Andrej Belyjs. *Hochland*, vol. 34, no 2, pp. 200–215.
- Stepun F. (1938/1939) Die Kirche der Selbstmörder. *Hochland*, vol. 36, no 1, pp. 472–488.
- Stepun F. (1939/1940) Aus meiner Kindheit. Erinnerungen. *Hochland*, vol. 37, pp. 446–454.
- Stepun F. (2000) *Sochinenija* [Works], Moscow: ROSSPEN.
- Struve P. (1999) *Izbrannye sochinenija* [Selected Works], Moscow: ROSSPEN.
- Ustryalov N. (1927) *Pod znakom revoljucii* [Under the Sign of Revolution], Kharbin: Poligraf.